

вѣрнопостнымъ правомъ и ожесточеннаго имъ¹⁾. Съ отраженіями вѣрнопостнаго права читатель не разъ встрѣтится и въ другихъ разсказахъ. Современная крестьянская жизнь представляется особенно въ обыденныхъ, типическихъ картинахъ, выбранныхъ не для эффе́кта, а именно по ихъ типичности,—въ картинахъ, то мягкихъ и привлекательныхъ, когда писатель встрѣтится съ теплыми и разумными людскими отношеніями, то (и это гораздо чаще) въ картинахъ мрачныхъ и отталкивающихъ, когда его поражаетъ грубое безсердечіе и испорченность мнимой Аркадіи. Картины перваго рода (назовемъ разсказы: «Степные выселки», «Бабушка Маслиха», «Сельское ученіе—степная идиллія») принадлежатъ къ лучшимъ изображеніямъ народнаго быта, какія только есть въ нашей литературѣ; но объемъ свѣтлыхъ подробностей, къ сожалѣнію, перевѣшивается массой страданія и испорченности, корень которыхъ, кромѣ тяжелыхъ внѣшнихъ условій, современныхъ и наслѣдованныхъ отъ исторіи, лежитъ и въ давней заброшенности народнаго нравственнаго воспитанія, и въ неразвитости народнаго ума. Теперь нерѣдко высказывается прямо или косвенно мысль, что народное бытовое преданіе хранить въ себѣ драгоцѣнные задатки разумнаго нравственнаго быта и общественнаго распорядка: намъ указываютъ эти задатки въ преданіяхъ обычнаго права, рисуютъ глубокія нравственныя основы общины, изображаютъ «власть земли» и пр. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ изображеніяхъ есть доля правды: вѣковая практика быта, хотя и лишенная воздѣйствій здраво поставленной школы и почти предоставленнаго самому себѣ, не могла не выработать извѣстныхъ общихъ понятій справедливости и общественной пользы; но не должно забывать, что эти понятія, въ ихъ тѣс-

¹⁾ Герой одного изъ этихъ разсказовъ вспоминаетъ, напр., о случаяхъ такого ожесточенія:

«...Моя злость отогнала отъ меня человека, котораго или я полюбилъ, или который былъ для меня такъ или иначе полезенъ.

— „Ну-да, ну-да!—тихо шепчу я себѣ.—Иди себѣ, откуда пришелъ съ своими нѣжностями,—проваливай, братъ! Мнѣ все равно. Я жилъ и безъ тебя. Я ко всему привыкъ, потому что все вынесъ... Любопытно было бы хоть на минутку взглянуть, какъ бы ты заежился въ моей шкурѣ... Ха, ха, ха!..

„Новая и еще больше жгучая волна наслажденія вливается тогда въ грудь мою, потому что въ глазахъ моихъ ясно рисуется въ это время безграничная пошлость людей, почему-либо близкихъ мнѣ, которые въ сношеніяхъ со мной ни чуть не подозреваютъ, что во мнѣ все происходитъ наоборотъ, чѣмъ у нихъ; часто случается, что они утѣшаютъ меня во время такого безпощаднаго и извѣстнаго внутренняго смѣха, который, если бы они услышали, такъ въ моментъ бы умерли, какъ отъ укушенія ядовитой змѣи“... (Собр. сочин. I, стр. 570).